

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/0190a3f8-adb7-725e-b07a-511936c22348>

Трагедия моей надежды

Направленность: Гет

Автор: MBelinskaya (<https://ficbook.net/authors/1222308>)

Беты (редакторы): Anya Brodie (<https://ficbook.net/authors/3153859>)

Гаммы: Mekisa (<https://ficbook.net/authors/1132917>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Драко Малfoy/Гермиона Грейнджер

Рейтинг: R

Размер: 18 страниц

Количество частей: 1

Статус: завершён

Метки: Свадьба, Дети, Война, Серая мораль, Смерть основных персонажей, ООС, Романтика, Фастберн

Описание:

Гермиона говорила: «Все дороги ведут в Рим». А мысли Драко всегда приводили к самой Гермионе. Ведьме, чьё имя навеки останется в его сердце, умрёт в душе и будет выгравировано на семейном древе Малфоев назло всем.

Посвящение:

Даже в самые тёмные времена творчество спасает мою безутешную душу. Посвящаю эту работу всем, кто её прочтёт и надеюсь, что она останется в вашем сердце надолго.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора / переводчика

Акт: единственный

Сентябрь 2005 года, Министерство магии Великобритании

Гермиона говорила, что праздники — это весело. Отец считал, что они подобны каталогу полезных знакомств. Мама воспринимала мероприятия как инструмент продвижения и укоренения в глазах публики своей исключительности. Для Блейза они всегда были хорошим поводом выпить за чужой счёт.

Драко ненавидел праздники, а сегодняшний превратился в процессию, схожую с лоботомией. Угнетающе и мерзко по ощущениям, невероятно больно и нестерпимо в эмоциях и совершенно неприемлемо для здравого рассудка и чувства самосохранения. Торжество Тёмного Лорда над магической Британией — одно из худших событий, что Драко лицезрел на протяжении жизни.

— Победа для меня всегда была вопросом времени, — вещал Реддл.

Босой, слегка царапая мрамор длинными ногтями, Тёмный Лорд медленно передвигался по сцене. Монотонные жесты кулаками сомнительного изящества походили на скрежет смерти, а голос с каждым словом садился. Казалось, что ещё пара длинных реплик и парселтанг будет уже не талантом, а единственным способом общения.

Ещё одно качество у них со змеей станет общим. И Драко думал не о символе собственного факультета или анимагической сущности. Нагайна, сидевшая рядом с Блейзом, подобно псу на привязи, неосознанно стояла у истоков определения пресмыкающегося. Слово её образ воссоздали на странице учебника.

Драко не мог сказать, в какой момент понимание настоящего прочно связалось с окружающим его миром, вытесняя общие определения. Когда змея — не животное, а *Нагайна*. Зло — не аспект морали, а *Тёмный Лорд*. Ненависть — не враждебное чувство, а вечное состояние души.

С какой картины жизни счастье перестало измеряться, потому что оказалось вытеснено? Где точка отсчёта жажды мести, крови и страданий некогда хозяина? Сколько километров вниз потребуется, чтобы уместить скопившуюся в груди боль? Чувства дойдут до центра земли, о котором рассказывала *она*?

Она. Ирония, но, раскручивая цепь событий, приведших его сюда, Драко всегда приходил к *ней*. Яркой. Несущей свет, радость, добро и спокойствие, что он надеялся постичь лишь после смерти. Делавшей его счастливым, заставляющей улыбаться и хотеть жить. Слово единая причина существования, которую невозможно предать, только познать, принять и насладиться. До тех пор, пока один не свернёт с пути.

Гермиона говорила: «*Все дороги ведут в Рим*». А мысли Драко всегда приводили к *самой Гермионе*. Ведьме, чьё имя навеки останется в его сердце, умрёт в душе и будет выгравировано на семейном древе Малфоев назло всем. Если бы Драко знал силу, непозволяющую убрать портрет Гермионы с гобелена, он бы её использовал.

Даже если весь мэнор сгорит дотла — Гермиона останется там. Хоть где-то она должна быть вечной.

— Так возрадуемся же, — завопил Лорд, возвращая внимание Драко к себе.

Очередная ошибка. Если бы Реддл чувствовал хоть малую долю ненависти Драко, то ни за что бы не напомнил о себе. Потому что сильнее, чем этот мир, жизнь и судьбу, Драко презирал Тёмного Лорда и его триумф сейчас. Настолько сладкий, что Реддл обязательно в нём захлебнётся. Драко сделает для этого всё.

Май, 1998 год, Церковь на окраине Лондона

Дождь ритмично стучал по местами протекающей крыше, сопровождаясь раскатами грома и звучным завыванием ветра. Вокруг стоял насыщенный аромат пионов, отдающий лёгким запахом гари и едва уловимыми духами Нарциссы. Во рту всё ещё ощущался привкус выпитого огневиски, от которого немного кружило голову. Впрочем, едва ли именно один бокал настолько пошатнул Драко в этот день.

Нет. Причина опьянённого сознания крылась в родной душе, облачённой в белое и смотрящей на него так, словно он единственный, кто остался в этом мире. За этот взгляд он был готов разрушать, предавать, убивать и ненавидеть. Драко не считал себя сильным, давно нет, поэтому выбрал единственную, кому позволил себе сдаться. И это была Гермиона, которая ни за что бы козырем не воспользовалась. Она слишком его любила.

Взаимность и породила доверие.

— Можешь поцеловать невесту, — аккуратно закрыв фолиант, произнесла Нарцисса.

Гермиона потянулась к нему, но Драко, словно желая увидеть удивление на её лице хотя бы на долю секунды, резко ухватил её за талию и прижал к себе, врезаясь в губы требовательным поцелуем. Прилив сил, энергии, счастья, что невозможно было понять, осознать и воспроизвести, а только прожить рядом с ней.

Её тонкие пальцы бродили по его груди, скользя по приятной ткани рубашки и останавливаясь на плечах. Гермиона сжимала их, переполненная взаимными чувствами и эмоциями, играющими в сознании.

Их поступок был безрассуден, как и сама Гермиона по своей натуре. Есть цель, нет преград, рационального мышления, просчитанных рисков и здравого смысла. И как бы абсурдно это ни звучало в просветлённой, как ему казалось, голове Драко, он шёл на все её авантюры, а эта окажется его любимой. Потому что навсегда привязывала Гермиону к нему. Подобно клятве, вырезанной магией на душе, она пообещала себя ему. Теперь навсегда.

Свадьба в разгар войны между врагами. Надругательство над моралью, смертью и всей сутью происходящих ужасов. Островок счастья и любви в море боли, нескончаемой гибели и горя. Судьба, расписавшая страдания на несколько лет вперёд, ни за что не простит им подобного кощунства.

— И пока смерть не разлучит нас, — прошептала она ему в губы, отстранившись.

Когда привычный мир пожизненно пребывает в состоянии войны и никто понятия не имеет, доживёт ли до её конца или хотя до завтра, ценится каждый счастливый момент.

Будучи ребёнком, Драко полагал, что слащавые фразы о любви и чувствах — это выдумки из романов матери. В подростковом возрасте считал, что они созданы мужчинами, сокращающими путь от первого взгляда до постели.

Сейчас он бы не доверил своё сознание ни одному Омуту и противился бы любому постороннему вмешательству в память. Если придётся, он умрёт, но сохранит в разуме каждое слово, чувство и картину безграничного счастья. Ни один галлеон и даже его собственная жизнь не стоили потери настолько дорогого.

Война или взросление? Второе вследствие первого. Тёмный Лорд не спрашивал, готов ты или нет, а Пожиратели смерти не вели воспитательных бесед на тему созревания. Люди либо подстраивались под обстоятельства и учились быть выжившими, либо отстаивали свои интересы, но уже из могилы. Третьего не дано. Итог всегда один — смерть. Разница лишь в сроке и количестве боли.

Драко хотел пожить долго и счастливо. Но магическая Британия давно перестала быть местом, где такой план вписывался в реальность. Разве что галлюцинации вследствие пыток... В таком случае — да, даже ад показался бы пристойным для планирования будущего. Но Драко пока пребывал в своём уме, к счастью или нет.

Поэтому момент, когда он предложит ей побег, был вопросом времени. А с фразы «*Можешь поцеловать невесту*» шёл на часы. Драко казалось, будто свадьба — это долгоиграющий проект, причём настолько важный, что Гермиона пойдёт наперекор своим принципам.

В отличие от тех, которым следовал Драко, её идеи и обещания стоили по меньшей мере жизни.

— Странно, — улыбнувшись, прошептала Гермиона.

Лёжа на спине, она смотрела в потолок, тихо посмеиваясь, пока Драко накручивал её пряди на пальцы. пышные локоны были разбросаны по подушке, оголяя ключицы, шею и плечи, последние подрагивали от лёгкой дрожи.

— К моей кровати привыкаешь дольше, чем к Хогвартсу, — хмыкнул Драко, опуская руку на её живот, скрытый одеялом.

Его пальцы медленно скользнули дальше, опоясывая талию и притягивая Гермиону к себе, отчего она повернула голову к Драко. Яркие карие глаза в свете солнца были подобны шоколаду, а счастливая улыбка наполняла теплом сознание. В мгновение, словно метла оторвалась от земли, Гермиона обняла его за шею и поцеловала.

Её мягкие губы с привкусом огневиски касались его. Рваные вздохи обдавали подбородок, а обнажённая грудь прижималась к его. Её волосы щекотали кожу, посылая ток по венам вместе с кровью и разжигая пожар.

Крепче ухватив его плечи, Гермиона перекинула ногу через его бедро, усаживаясь сверху и скользя поцелуями с губ к шее, неотрывно смотря на Драко. *Она манила желанием, чтобы это никогда не заканчивалось.* Пусть стены окажутся непробиваемы, окна закроются навсегда, а дверь станет незаметна для окружающих. Чтобы Драко остался только с ней на ближайшую вечность, тогда не нужно заводить неудобные разговоры.

— Гермиона, Гермиона, — слышалось из-за двери, а после раздались три звучных стука.

— Он не пробовал гвозди кулаками заколачивать? — фыркнул Драко, закидывая голову назад.

Гермиона усмехнулась и, опершись ладонями на широкую грудь, повернулась к двери.

— Рон, мы спустимся через полчаса, — крикнула она.

— Ладно, — раздражённо бросил Уизли и тут же ушёл.

Его топот мог не только разбудить, но и сломать психику. Особенно когда именно Уизли заменил им будильник по утрам.

— Вот что странно, — склонив голову набок, улыбнулась Гермиона. — Он сегодня припозднился.

— Вероятно, свадьба даже для его скудного ума не пустой звук, — предположил Драко и приподнялся, кладя руки Гермионы на свои плечи. — Но я не хочу о нём говорить.

Слова, произнесённые прямо в губы, должны были оставить её в постели. Но Гермиона лишь сверкнула глазами и, поцеловав Драко в щёку, подскочила с кровати. Подобно снитчу, она едва не летала по комнате, собираясь к выходу и иногда бросая косые взгляды на всё ещё сидевшего Драко.

— Нарцисса завтра уезжает обратно, — словно между делом, сказал он.

— Это правильно, — кивнула Гермиона, подходя к зеркалу и касаясь палочкой волос. — Ей безопаснее вдали от магической Британии.

— Нам тоже, — серьёзно сказал Драко, ловя её взгляд через отражение.

Пальцы Гермионы замерли. Она неотрывно смотрела в глаза Драко и понимала, к чему шёл разговор. Это был не первый раз, когда заходила тема об отъезде и нежелании быть пушечным мясом для победы одной из сторон. Но, как правило, всё это заканчивалось простым, очень чётким и бескомпромиссным...

— Нет, — Гермиона собрала волосы и повернулась к Драко, скрестив руки на

груди. — Я не уеду, и ты это знаешь.

— Но понять всё ещё не сумел, — прищурившись, ответил Драко.

Поднявшись, он призвал из шкафа одежду. Пока Драко монотонными движениями одевался, всё время чувствовал её взгляд на своей спине. Будто она хотела поговорить, объясниться, но не знала, какими словами это сделать. Потому что всё возможное уже было сказано, и ни один из аргументов не казался Драко весомым.

— Это сложно, — наконец выдохнула Гермиона.

— Нет, — развёл руками Драко, повернувшись. — Ничего сложного, *Грейнджер*. Хочешь жить — уезжаешь. Планируешь погибнуть — остаёшься.

Он не видел себя со стороны, но был готов поспорить, что напряжение в лице и непоколебимость во взгляде угнетали Грейнджер. Она подавленно смотрела на него, стиснув зубы и пытаясь найти аргументы. Гермиона ещё не поняла, что любой для него будет ничем. Заранее проигранная битва.

— Тебе настолько безразлична судьба мира, где ты вырос? — спросила она. — Неужели Малфои...

— Именно, — перебил её Драко, приблизившись. — Ты теперь Малфой. И в нашем моральном кодексе нет пункта о самопожертвовании.

— У вас есть моральный кодекс? — рассмеялась она, начав злиться.

Вытянув голову и задрав подбородок, смотря в его глаза, она продолжила:

— Я не буду прятаться, бежать или жить в вечном страхе быть найденной и...

— Неужели ты так хочешь погибнуть? — собственный голос казался чужим, пропитанным злостью и решительностью.

— Нет, — ровно сказала Грейнджер. — Но лучше умереть стоя, чем жить на коленях, Драко.

Она сделала несколько шагов назад и с сожалением осмотрела комнату. Облизнув губы, Грейнджер коснулась кольца на безымянном пальце.

— И если тебя это не устраивает...

В считанные секунды он преодолел расстояние между ними и накрыл её руку ладонью, не давая снять украшение. Драко не мог её потерять. Ни во время войны, ни тем более сейчас. Это было сродни смерти: утратить единственного, кто настолько засел в сознании, что мир без него становился бессмысленным.

Стоя рядом, он прикрыл веки, чтобы совладать с собой и хотя бы на некоторое время принять её выбор. Он попытается, ещё раз и снова. До тех пор, пока они либо не переживут эту войну, либо он не умрёт на ней первым. Он. *Не она*.

Гермиона оставила на его щеке долгий поцелуй и слегка огладила ладонью

кожу. Будто боясь обжечься.

— Я слишком люблю тебя, Драко, — прошептала она. — И надеюсь, что твоих чувств хватит, чтобы принять мой выбор и быть рядом.

И этого было достаточно. Но только сегодня и сейчас, когда он открыл глаза и увидел её живой, в своей спальне, с кольцом на пальце.

Сентябрь 2005 года, Министерство магии Великобритании

Взгляд Драко гулял среди толпы пришедших посмотреть на выступление Тёмного Лорда. Говорить он особо не умел, уступая в этом тому же Грин-де-Вальду, чьи речи были способны убедить даже самого опытного аврора. Удивительно, но сейчас Драко объединился бы даже с ним, только бы уничтожить Реддла.

И Драко знал, что совсем не одинок в этом желании. Он понятия не имел, как было раньше, сколько волшебников искренне склонялись перед Лордом и отстаивали его идеи. Но сейчас их список уместился бы на листе пергамента, количество единомышленников редело, они погибали. Иногда от рук Драко или Блейза, но чаще в бессмысленных перепалках между собой.

Позиция, которую Драко с радостью перенял от Грин-де-Вальда.

Позволяй людям уничтожить себя.

Иногда опрометчиво брошенной фразы, двусмысленного высказывания или намёка достаточно, чтобы разогреть потасовку. А смерть — вопрос не такой уж и долгий, когда сомнения и остатки задетой чести разыграют в воспалённом мозгу.

Быть преданным Тёмному Лорду и не понять, что он умирает на глазах, — вот последствия фанатизма.

Но, даже будучи в меньшинстве, они оставались серьёзной опасностью. Слишком невменяемы, сильны и безрассудны. Не стоило завязывать войну с теми, кого невозможно просчитать, поэтому сегодня даже самые главные враги Лорда под прикрытием замерли в молчании. Они умело создавали вид, будто восхищаются им, чтобы в один момент лишиться всего, включая жизнь.

Это была очередная ошибка Реддла — тщеславие. Внушив себе бессмертие, он радовался победе над Орденом Феникса. Будто змея задушила льва, а после наплатила ядом, чтобы не оставить ему и малейшего шанса на выживание. Но нет...

Если сравнивать Тёмного Лорда со змеей, то Орден Феникса был гидрой. Сломай Лорда — Пожиратели падут, не зная, что им делать и куда идти. Ведь даже после его якобы смерти единственное их желание было его воскресить. *Куклы без кукловода.* Но если отрубить голову Ордену Феникса — на её месте появятся две новые, ещё более обозлённые, чем были прежде.

Июнь, 1999 год, площадь Гриммо, 12

— Ты слишком напряжён, — пробормотал Поттер, потирая переносицу.

— Поговорим, когда твоя жена рухнет в обморок, — огрызнулся Драко, остановив недовольный взгляд на Избранном.

Поняв, что фраза была лишней, Поттер замолчал и отвернулся к стене, притворяясь, будто его увлекает потрескавшаяся краска. Драко вобрал в лёгкие побольше воздуха и рвано выдохнул. Когда Гермиона очнётся, то меньшее, что она захочет увидеть, — мёртвого друга. Драко стоило сдерживать порывы.

Вдруг дверь открылась, и оттуда выглянула Андромеда, широко улыбаясь. Будто Лорд под Обратным, который не мог нарадоваться смерти очередной маглорождённой. Следом вышла и сама Гермиона, аккуратно державшаяся за живот и с неким опасением смотрящая на Драко. Словно случилось нечто неоднозначное, о чём он должен узнать.

— Если второе имя будет не Андромеда, я обижусь, — пояснила Тонкс и, кивнув Поттеру на дверь, поспешила покинуть их.

Драко свёл брови к переносице. Несколько секунд он безмолвно стоял и смотрел на Гермиону, не веря. В тех условиях, где они находились, Драко давно перестал верить в будущее, для него существовало только настоящее. А ребёнок был продолжением — намного более длительным, чем их собственные жизни.

Тело двигалось само по себе, будто отделилось от сознания и управлялось только инстинктами. Драко обнял Гермиону, собрав в охапку, словно букет цветов. Его губы касались её кожи, осыпая быстрыми поцелуями щеки, подбородок, линию челюсти. А она в ответ улыбалась, словно сама постепенно принимала случившееся, а на смену замешательству приходила радость.

— Надеюсь, он будет таким же тактильным, как ты, — подмигнула ему Гермиона.

— Тебе не хватает прикосновений? — улыбнулся Драко, прижимая её к своему телу. — Теперь у нас будет много времени, чтобы наверстать.

Гермиона свела брови к переносице, не понимая, к чему он клонит. Осколки разочарования ударили в сердце, пропуская звучные удары. Нет. Драко мог уступить раньше, но позволить сейчас...

— Если ты полагаешь, что беременные маглорождённые пользуются меньшим спросом...

— Я беременная, а не раненая, Драко, — твёрдо заявила она, выгнув бровь.

— Знаю, — тише произнёс он, поглаживая её живот. — Но битвы очень плохо влияют на детей, особенно в утробе матери.

Гермиона уже хотела возмутиться, когда к ним вернулась Андромеда. Улыбка на её лице была ещё шире, чем несколько минут назад. Глаза поблёскивали, будто она готовилась сказать новость ещё более удивительную, чем было.

— Цисси уже ждёт вас во Франции, — пояснила Андромеда.

Драко почувствовал, как Гермиона в его руках вздрогнула и заметно напряглась от этих слов.

— Но...

— Что? — нравоучительно спросила Андромеда, выгнув бровь. — Не думала же ты остаться здесь при живой бабушке твоего ребёнка?

— Мне кажется...

— Это не обсуждается, милая, — Андромеда подошла к ним и крепко обняла, поцеловав Гермиону в щёку. — Собирай самое необходимое, вечером ты отправляешься.

И, наверное, сейчас Драко любил Андромеду в два раза больше. Потому что после этих слов Гермиона послушно последовала в их комнату под его чутким наблюдением собирать в сумку вещи. Да, она была слегка потускневшая, но Драко принимал это, напоминая себе, что лучше быть расстроенной, но живой.

А она будет жить. И их ребёнок тоже.

Сентябрь 2005 года, Министерство магии Великобритании

— Наши планы, грядущие на долгие годы вперёд...

...и до которых ты не доживёшь.

Фраза Лорда иначе продолжалась в голове смирно стоящего Драко. Возможно, владей тот легилименцией так же искусно, как самодурством, то распознать в Драко предателя смог бы сразу. Но, к несчастью для Реддла, чрезмерная самоуверенность была его ошибкой.

Поначалу он был убеждён, что Драко слишком слаб, чтобы воспротивиться. И это было правдой. Драко никогда не был сильным. Ему не за что было бороться, а двигал им лишь страх за семью и собственную жизнь.

Со временем Лорд принял для себя, что Драко служит ему лучше, чем родным. Переигранная смерть Нарциссы от рук сына, узнавшего о её предательстве, укоренило в разуме Тёмного Лорда преданность Драко.

Реддл считал, что семья — это обуза, которая делает слабым, поэтому не смог не оценить избавление Драко от своей матери. Возможно, Тёмный Лорд искренне верил, что уничтожение одного объекта любви пророчило безоговорочное подчинение ему.

Опять тщеславие. Опять ошибка магловского диктатора.

— И даже те из вас, кто принял верную сторону в последние минуты, заслуживают быть здесь...

Взгляд коснулся Андромеды, стоявшей в самом конце толпы и держащей в руках колдо мальчика с голубыми волосами. Она всегда держала его в руках перед тяжёлыми событиями. Так Андромеда напоминала себе, что все её

действия помогут построить лучшее будущее для Тедди. Ребёнка войны, лишившегося родителей. Драко ни за что бы не пожелал Лире пережить такое же горе, что и он, — маленькой девочке с карими, словно шоколад, глазами и светлыми кудрявыми прядями.

Она подобна олицетворению уютного солнца в зимний день. Красивая, утончённая и греющая своим теплом окружающих.

Июль, 2000 год, Малфой-мэнор, Париж

Драко старался прибывать во Францию как можно чаще. Магическая Британия всё быстрее становилась для него вынужденной обузой, где он обязан появляться, чтобы не вызывать лишних вопросов. А Париж постепенно вырисовывался лучшим местом, которое можно вообразить.

Там была Нарцисса, ухаживающая за садом вдали от смертей, горестей и перспектив скорой гибели. Дом, не омытый кровью десятков жертв, не имеющий подвала в качестве пыточной и камеры для врагов. А теперь к этому прибавилась и Гермiona. Защищённая, не гонимая жаждущими её страданий магами и укачивающая на руках светловолосого младенца.

Лира появилась в его жизни совсем недавно, но стала очередной причиной, почему в Париж хотелось возвращаться.

Он был безопасен, не нёс ужасающих воспоминаний и концентрировал в себе только лучшее. Семью, любовь, радость и улыбки. Дом, куда он спешил всё чаще, чтобы ощутить давно забытое чувство удовлетворения. Его мать, любимая женщина и дочь рядом, живы, здоровы, и ему не приходилось думать, как спасти их от той или иной беды.

В Париже Драко познал себя счастливым.

— Ты бы пришёл ещё позже, — прошептала Нарцисса, хмуро смотря на Драко. — Лира уже спит.

— Значит, зайду к ней утром, — расслабленно произнёс Драко, приобняв сонную Нарциссу. — Гермiona в спальне?

Нарцисса поджала губы и отвела взгляд к стене. Она всегда так делала, когда знала, что сказать важно, но одновременно с этим предпочитала молчать. Будто *«Я хочу поделиться с тобой, но понимаю, что не должна этого делать»*. Немые диалоги, просчитать которые никогда не было сложно.

— Думаю, она в столовой, самой дальней, — пояснила Нарцисса и, закутавшись в халат, поспешила к себе в комнату.

Драко свёл брови к переносице, не понимая беспокойства Нарциссы, поэтому скорее двинулся в указанном направлении. Малфой-мэнор Парижа был гораздо меньше, чем в Уилтшере, добраться недолго. А вот картина, которую он увидел, заставила его замереть на несколько секунд дольше положенного.

Некогда обеденное место сейчас напоминало зал для тренировок, сооружённый Орденом в одной из комнат Гриммо. Повсюду были разложены длинные и не особо мягкие подушки, с потолка — он даже не хотел знать, где

это закреплено, — свисал мешок, набитый, судя по виду, овощами, а посередине стояло чучело, слегка походившее на Тёмного Лорда.

И во всём этом располагалась Гермиона, и она совсем не напоминала ему счастливую мать, родившую несколько месяцев назад. Воин, боец, гриффиндорец... тренирующийся перед очередной битвой, не иначе.

В груди закололо, холод лизнул затылок, а жар окутал сознание. Драко словно топили в неудобной реальности, из которой он пытался выбраться месяцами.

Гермиона и война, ассоциирующая со скорой гибелью, а не долгожданной победой. Надежда, что она забыла об этом, отреклась и была бы готова шагнуть с ним... даже в подстроенную гибель, которую он для них и планировал. Всё разбилось о магловский мат, разложенный на полу.

Взгляд зацепился за её палочку, лежавшую у стены.

Почему физическая выносливость гораздо предпочтительнее магической? Потому что это Гермиона. Когда Драко посмотрел на древко, то оно в мгновение исчезло. Или он хотел, чтоб ей так казалось.

Почти неслышно он приблизился к Гермионе, нещадно колотящей мешок перед собой, и резким движением схватил её за запястья со спины. Быстрый удар локтем в живот, подножка, и Драко рухнул на пол, понимая, зачем здесь лежат магловские маты.

— Убит, — ухмыльнулась Гермиона, кладя пятерню на его грудь.

Нахальная улыбка не сходила с её лица, когда она поднялась на ноги и протянула ему ладонь, чтобы помочь встать. Драко несколько секунд смотрел на неё в ответ, а после ухватился, будто принимая одолжение. Но в эту же секунду он дёрнул её на себя, заставив упасть, и тут же навалился сверху, зафиксировав оба запястья над головой.

— Никогда не помогай всяким Пожирателям смерти, — сделал замечание он.

Она вытянула шею, всё ещё задорно улыбаясь, пока в её глазах горел озорной огонь.

— Прекрати недооценивать всяких гриффиндоров, — сказала она и резко вытянула руку. — Ацио палочка!

Древко мгновенно оказалось в ладони, и ударная волна отбросила Драко назад. Происходящее дальше плохо поддавалось объяснению, но было наполнено играющей на грани энергетикой жажды победы. Заклинания летали по столовой, отскакивали от стен, ослепляя и едва не ранив, терзая одежду. Сердце колотилось, кровь бежала по венам, наполняя тело адреналином, забытым азартом и чувством насыщенности.

Будто смиренное спокойствие в одно мгновение стало ничем, а предпочтительная опасность паразитирующим зельем проникла в сознание, струясь по здоровому рассудку. Это был не бой, не тренировка, а жизнь. Мнимое спокойствие, в котором Драко чувствовал себя счастливым, в сравнении

оказалось отдыхом.

Не хватало, но отторгало бесцветностью и прозрачностью, словно вакуум, из которого рано или поздно выбираются.

— Экспеллиармус.

Палочка вылетела из её рук, Гермиона на мгновение оглянулась, чтобы побежать за ней, когда Драко оказался сзади. Одна его рука крепко сжала запястье, вторая легла на живот, притянув к своему телу. А губы остановились над её ухом, шепча последнее:

— Мертва.

— Не лучший способ флирта, — повернув голову к нему, сказала Гермиона.

Подавшись вперёд, она прижалась к его губам своими в долгом поцелуе. После едва не битвы, произошедшей между ними в эти минуты, её касания ощущались вдвое приятнее и отрывистее.

— Завтра я отправлюсь с тобой, — прошептала она, отстранившись.

Драко уже хотел воспротивиться, привести аргументы, напомнить о маленькой Лире.

— Теперь нам есть ради кого сохранить этот мир, Драко, — предвидя его слова, сказала Гермиона.

— Мир не заканчивается на магической Британии, — помрачнев, напомнил Драко.

Гермиона молчала. Смотрела на него так, будто он не запрещал ей отправляться на верную смерть, а отбирал самое дорогое, что у неё было. Словно он не муж, отец её ребёнка и любящий человек, а враг.

— Я хочу, чтобы Лира вернулась туда после войны, Драко. Там наш дом, не здесь, — строго произнесла Гермиона и отстранилась от него. — Прости, но я не спрашиваю твоего разрешения.

Она ушла. Быстрыми шагами направилась в их спальню и остаток ночи с ним не разговаривала. Будто возвращение — не вынужденная мера, как у него, а желанная потребность.

Он сдался. Если Гермиона хочет найти смерть за свои убеждения, он отпустит её, но будет защищать на этом пути.

Август, 2002 год, Нора

— Гарри Поттер мёртв.

В какой раз это произносили? Тридцатый? Сороковой? Драко сбился со счёта на пятнадцатом. Вероятно, некоторые члены Ордена считали, что, скажи они это несколько сотен раз, реальность изменится и Поттер воскреснет. Но тот так и остался именем, что должно было повести за собой волшебников, а в итоге

замертво упало на поле.

Гермиона, в отличие от плачущих, сидела в уголке комнаты, смотря в одну точку. Она хотела рыдать вместе с остальными, биться о стену от потери друга и уничтожить того, кто забрал настолько важную жизнь. Но, будучи в эпицентре скорби, она дала себе обещание отложить боль на потом, оставаясь для остальных примером.

Поражение заключалось в том, что другим было всё равно. Каждый закрывался в своём очаге горя и не видел остальных из-под пелены слёз.

Драко не был другом Поттера, хоть и чувствовал пустоту потери, поэтому со стороны лицезрел, как некогда волевые волшебники готовы упасть на колени. Словно погиб не Избранный, что безуспешно вёл их, а единственная надежда. Да, было пророчество, призрачное обещание, что он выиграет, но с тех пор Драко многое переосмыслил. Он понимал, что победить без Поттера более чем возможно.

Это осознавал и сам Тёмный Лорд, но убийство Поттера было для него важным. Солдаты могут бороться бесконечно, теряя друг друга, самих себя, родных и близких, но лишь до тех пор, пока у них есть единый глас, человек, олицетворяющий сопротивление и заставляющий своим примером идти дальше. И теперь его не было, он пал за идею, которой жил, и уничтожил Орден, сам того не подозревая.

К вечеру многие начали разбредаться по своим укрытиям, приняв решение не собираться вместе некоторое время. Сейчас самым правильным стратегическим решением было ударить по Ордену. Сломленному, разбитому и изничтоженному. Если бы у Лорда было хотя бы немного чувств и сострадания, он бы это понял. К счастью, подобным Реддл не обладал.

Гермиона лениво дошла до камина, неосознанно удерживая Драко за руку. А оказавшись в Париже, она хотела лишь лечь в постель и стереть этот день из памяти. Ей нужно было забыться, ненадолго оказаться во сне, где нет ни потерей, ни боли, ни страданий. Гермиона желала спокойствия, совсем немного, чтобы не сойти с ума.

— Мама! Папа! — звонкий голос донёсся со стороны гостиной.

Быстро перебирая ногами, к ним вылетела светловолосая девочка. Карие глаза горели, улыбка блестела на лице, а старый плюшевый мишка, принесённый Гермионой из собственного дома, упал на пол. Лира подбежала к Драко, вытягивая руки вверх. Он грустно улыбнулся и взял её, ощущая на щеке крохотный детский поцелуй.

Лира тут же обернулась к Гермионе. Драко хотел сразу отнести дочь в спальню, чтобы та не задавала вопросов, как любила. Но Лира молчала, смотря в глаза Гермионы со всем сожалением, на которое была способна. Она не понимала, что произошло, но видела всю ту боль, скопившуюся на лице матери.

Драко приблизился, позволяя Лире аккуратно провести пальцами по щекам Гермионы, чтобы вытереть выступающие слёзы. Стараясь удерживаться в руках Драко, Лира потянулась к Гермионе и обняла её за шею, перебираясь. Казалось, что, пока Лира лежала на груди матери, поглаживая её плечи и вытирая слёзы,

Гермионе становилось немного легче. Будто Лира забирала часть страданий.

— Спасибо, милая, — прошептала Гермиона.

Драко обнял обеих, почти закрывая собой от камина. Они стояли ещё долго, рядом друг с другом в глухой тишине поместья. Проходящая Нарцисса лишь коротко взглянула на них, прежде чем уйти в спальню, оставляя троих наедине.

Сентябрь 2005 года, Министерство магии Великобритании

Отголоском от стен отскакивали имена убитых. Они произносились с радостью, гордостью за сделанное, будто это было одно из значимых достижений. Понимание комом стояло в горле, подрывая Драко сорваться, уничтожить прямо здесь и сейчас. Чтобы Реддл и его последователи страдали так же сильно, долго и мучительно, как семьи умерших людей...

— Гарри Поттер.

Имя, произнесённое с извращённым упоением. Они разве что не ликовали, хотя, возможно, даже и праздновали, но раньше, когда Драко утешал плачущую Гермиону в постели. В то время пока она ночами кричала и корила себя за случившееся, считая, будто могла предотвратить. Именно тогда они отмечали смерть Поттера.

— Гермиона Грейнджер...

Драко почти подорвался с места, не желая выжидать. Воспоминания ослепляли, и, если бы не стоящий рядом Блейз, Драко бы уже был мёртв. Ему стоило придерживаться плана, следовать собственной стратегии, преодолевая все страдания и боль. Ради неё. Ради его Гермионы, которой больше нет.

19 сентября, 2004 год, Малфой-мэнор, Париж, Франция

— Папа, это красиво? — спросила подошедшая Лира.

Драко бросил короткий взгляд на детский рисунок и улыбнулся, удовлетворённо кивая. Но Лиру этот ответ явно не устроил, потому что она не ушла, а скрестила руки на груди и прищурилась.

— Ты говоришь это, потому что тебе правда понравилось или из-за того, что я твоя дочь? — спросила она.

Иногда Драко думал, досталось ли Лире от Гермионы что-то кроме глаз и волнистых локонов. Потому что нахальство и цвет волос были явно его. Сейчас он напомнил себе, что да, требовать ответы, даже когда ты их уже получила, было очень в духе Гермионы. Поэтому простого «красиво» или «да» Лире всегда было недостаточно.

— Я говорю это, потому что маме понравится, — ответил Драко и подхватил Лиру на руки, усаживая на колени.

Она недовольно поёрзала, но всё-таки улыбнулась, внимательно смотря в книгу, что Драко читал, сидя за столом.

Да. Это определённо их с Гермионой дочь.

— Мама обещала, что мы завтра начнём изучать алфавит, — похвасталась Лира, проводя пальцами по строчкам.

Повернув голову, она хитро улыбнулась, смотря на Драко.

— И тогда я узнаю все ваши взрослые секреты, — довольно засмеялась она и потянулась к другой книге на столе, задев чашку с чаем.

Та слегка качнулась, отчего вода брызнула на рисунок, запачкав его. Лира тут же возмущённо закричала:

— Папа! Что такое, опять чашки расставил, — сказала она и соскочила с его колена.

Драко усмехнулся и взмахнул палочкой, прибирая всё. А после подошёл и присел рядом с Лирой, смотря на несколько капель, запачкавших рисунок.

— Думаю, это не критично, — покачал головой он, улыбнувшись.

— Тебе повезло, что я отлично рисую, — самодовольно сказала Лира и махнула рукой, убегая в комнату.

Драко усмехнулся. Взгляд машинально бросился к камину в ожидании Гермионы. Она обещала вернуться быстро, только проведать Уизли и убедиться, что их новое стратегическое решение отработано наилучшим образом. Через неделю Орден Феникса планировал уничтожить Нагайну, а следом за ней расправиться и с Лордом. Всё шло к тому, что победа была практически рядом, оставалось совсем немного.

И Драко, казалось, смирился с этим. Постепенно он начинал проникаться той самой фразой, что Гермиона сказала в утро после их свадьбы. *«Я предпочту умереть стоя, чем жить на коленях»*. Но в первую часть фразы он отказывался верить, в его вселенной словно исчезла ветвь развития, где умирала Гермиона.

Драко сделал всё, чтобы её уберечь, он пытался, убеждал. Но она была слишком сильной для смерти, существо в чёрном не могло забрать её. Ни у него, ни у Лире, ни у всей магической Британии. Этим Драко себя и тешил, каждый день веря, что она вернётся, отправит патронус, письмо, любой знак, что с ней всё в порядке.

И она посылала. Возможно, поэтому Драко перестал верить в её смерть, признавая, что это лишь паранойя. *Всё будет хорошо*, так говорила Гермиона, *она никогда их не покинет*, в этом она его убедила.

Драко быстро отдал домовикам приказ готовить ужин, потому что Гермиона должна была вот-вот вернуться. Сегодня был её день рождения, двадцать пять лет она успешно проверяла на прочность нервную систему всего мира и его в частности. Этот день должен был стать особенным.

Послышался звук сработавшего камина, и Драко, широко улыбаясь, тут же поспешил к гостиной. Он ожидал увидеть там не менее счастливую Гермиону, обнять её, поцеловать и не отпускать хотя бы сегодня. Но, войдя, он

почувствовал, будто в душе оборвалась жизнь, а тело окаменело без шанса на восстановление.

Блейз на дрожащих руках держал Гермиону. Драко казалось, что она не дышала, с её пальцев стекала кровь, запачканная одежда была пропитана красным, а следы сажи простирались по всему телу.

Сорвавшись с места, Драко забрал Гермиону у Блейза и опустил на рядом стоящую кушетку. Едкие запахи крови и гари ударили по обонянию, пока он дрожащими руками разрывал на Гермионе одежду, пытаясь найти рану.

— Тинки! — он и сам не понимал, что зверски кричал. — Бадьян! Колдомедика! Всё! Быстрее!

Ошарашенный эльф поджал уши и тут же исчез с хлопком аппарации. Гермиона еле дышала, пока раны на её теле кровоточили, а с губ срывались стоны боли от каждой попытки пошевелиться.

— Я не успел, — покачал головой Блейз, смотря на Гермиону. — Пожиратели решили всё за несколько минут, нашли магловскую бомбу, добавили туда зелья и...

Слушая слова Блейза, Драко осматривал её, пытаясь понять масштабы бедствия в ожидании помощи. Драко видел свежие, ещё слегка дымящиеся ожоги и застывающее на теле железо с корпуса оружия. Она шипела от его прикосновений, ощущая зверскую боль сквозь сознание, даже не пребывая в нём.

— Когда я пришёл на Гриммо, почти все были мертвы, Уизли спасали оставшихся, а я забрал Гермиону и через ближайший камин...

Но поняв, что Драко почти не слушает его, Блейз поспешил за колдомедиком, не дожидаясь эльфа.

— Драко, — её шёпот.

Гермиона смотрела на него. Горько, сквозь страдания она улыбалась, пытаясь дотронуться до него, но тут же зашипела от боли.

Сломана.

Драко сжал её ладонь своей, шепча успокаивающие слова и срываясь на призывы эльфа. Но тот всё не приходил, Драко не знал, сколько времени прошло на самом деле. Каждая секунда для него казалась вечностью, любое промедление — умышленным. А её глаза, смотрящие на него с той же любовью, что и всегда, разрывали сердце окончательно, потому что он не мог ей помочь.

Похлопав по карманам брюк, он быстро нашёл бадьян, забытый однажды. Дрожащими руками Драко наносил его на раны, но те не заживали, будто он лил воду, а не сильнодействующее снадобье.

Что за месиво из зелий было в бомбе?

— Прости меня, — хриплый голос привлёк внимание к её лицу. — Ты был

прав. Всегда прав.

— Гермиона, не пытайся прощаться, — бодрил её он. — Ты ещё сотни раз скажешь мне это.

Он видел, как по её щекам текли слёзы, пока она смотрела на него, будто понимая, как он ошибается.

— Позаботься о Лире, только ты сможешь заменить ей нас обоих, — говорила она. — Передай ей...

— Замолчи, — потребовал Драко, чувствуя дрожь в собственном голосе.

Она резко закашляла. Драко закричал. Он и сам не осознавал, насколько истошно звучал его голос, когда в очередной раз призывал домовика, чтобы помочь. Сделать хоть что-то, попробовать спасти, повернуть время вспять.

— Ты сама всё это ей скажешь, — твердил Драко, пока Гермиона горько улыбалась.

Она сквозь боль сжала руку Драко, неотрывно смотря на него и давясь собственными слезами.

— Я люблю тебя, Драко, — вторил её голос эхом.

Мгновение. Её глаза закрылись. Драко пару секунд смотрел на неё, отказываясь признавать случившееся.

— Гермиона, не смей засыпать, — потребовал он, хватаясь за её плечи. — Грейнджер, ты слышишь меня? Не смей спать, сейчас придёт колдомедик!

Он срывался на крик, тряс её, пытаясь привести в чувства, но она не приходила в сознание. Он не понимал этого, не осознавал, будто сердце встало на паузу и мир остановился. Звуки, запахи, вкус, осязание — всё пропало, оставляя лишь неподдающуюся признанию картину мёртвой Гермионы перед ним.

— Папа, мама здесь? — задорный детский голос послышался за спиной.

Драко, словно в трансе, повернулся к стоявшей в дверях Лире. Она опять уронила злополучного мишку и со всех ног побежала к ним. Будто в замедленной съёмке, счастливая Лира подошла к кушетке и подступилась к трупу матери, чтобы обнять. Но, заметив, что та не дышит, Лира свела брови к переносице и положила ладонь поверх её и Драко.

Как тогда, после смерти Поттера. Только теперь хоронили другого.

— Мама? — прошептала Лира, смотря на Гермиону. — Мама, почему ты не отвечаешь?

Драко понимал, что нужно увести Лиру, но не мог даже пошевелиться, оцепенев от попытки не признавать горе.

— Почему мама не просыпается? — спросила она, смотря на Драко.

Ли́ра нача́ла трясти Гермиону, чтобы привести в чувства, как Драко несколько секунд назад, но всё тщетно. Каждая попытка разбивалась о смерть, пока Ли́ра не заплакала, прося Гермиону заговорить или ответить ей. Но той больше не было с ними...

— Мамочка, проснись, пожалуйста, — просила Ли́ра. — Я буду хорошо себя вести, только проснись, прошу тебя.

Ли́ра молила, и Драко делал бы это вместе с ней, если бы мог. Но он знал, что этого никогда не будет достаточно.

Гермиона умерла. Стоя. А он продолжает жить на коленях.

Послышались шаги, и в комнату вбежали Блейз с колдомедиком и эльфом. Ли́ра продолжала истощно умолять Гермиону проснуться, пока Блейз не обвил руку вокруг живота Ли́ры и не оттащил её от тела, за которое та нещадно хваталась.

— Верните меня к маме, я не хочу без мамы, папа, скажи! Папа, пожалуйста, разбуди маму, — кричала Ли́ра, надрываясь.

Но Драко знал, что не сможет исполнить это желание. Он всё ещё держал мёртвую Гермиону за руку, в глубине души надеясь, что она очнётся. Но она умерла. В день своего рождения, ровно двадцать пять лет спустя.

Сентябрь 2005 года, Министерство магии Великобритании

— И сейчас я хочу наградить лучшего моего последователя, — торжествующе произнёс Тёмный Лорд. — Самому способного, беспощадного и преданного нашему делу.

Реддл развёл руками и наконец оглянулся, смотря в глаза Драко. Совершенно не понимая, что его ждёт дальше.

— Драко Малфой, — ухмыльнулся Тёмный Лорд. — Иди же.

Драко ровной походкой прошёл к середине сцены, где оставались лишь они с Тёмным Лордом друг напротив друга. Блейз уже держал за спиной меч Гриффиндора, почти незаметно, чтобы никто из всё ещё преданных Пожирателей не смог этого заметить. Оставались считанные секунды, совсем немного до долгожданного финала.

— Опустись на колени и поклянись мне в верности, Драко, — потребовал Лорд, с упоением глядя в ледяные глаза.

Реддл ждал, что перед ним склонится каждый. Но Драко всё ещё стоял, смотря в упор.

— Нет, — спокойно, почти равнодушно ответил Драко.

Тёмный Лорд не успел даже скорчить гримасу непонимания или ответить, когда Нагайна подскочила вверх в попытке спастись. Но в ту же секунду Блейз разрубил её в пыль мечом с ярко-красным камнем в рукояти.

— Нет! — закричал Реддл и уже собирался бросить проклятие, когда Драко шагнул вперёд.

Кинжал глубоко вошёл прямо в сердце Лорда, заставив того содрогнуться в боли. Снизу, под сценой, послышалась возня, но сокрытые в толпе орденовцы сразу начали бой. А Драко, видя, как палочка выскальзывает из бледной руки Реддла, прошептал последнее и самое болезненное, что могло быть для Лорда:

— *Родился как маггл и умрёшь так же,* — прошипел Драко.

Пара мгновений, тело обмякло, и Драко оттолкнул его, озираясь на толпу, где стояли члены Ордена Феникса. Выжившие, перенёсшие все горести и ужасы. И теперь он среди них, утративший самое дорогое, что у него было...

Когда Драко вернулся в Малфой-мэнор — родной, наполненный ужасами, но не горем, — медленно прошёлся по гостиной, банкетному залу и столовой, осматриваясь по сторонам. Париж стал для него болью, он прочно ассоциировался с Гермионой, их лучшими моментами, любовью, чувствами и жизнью. Той, которой больше не было, и Драко, как бы ни любил, не мог позволить себе страдать.

Не пока у него оставался человек, нуждающийся в нём — счастливым, радостным и любящим.

— Папочка, — закричала Лира, перебегая гостиную и бросаясь к нему на шею.

Как всегда делала Гермиона.

Драко смотрел в глаза Лире — такие же, как и у её матери. В свете солнца они подобны уютному и тёплому шоколаду, заставляющему улыбаться.

— Теперь всё хорошо? Ты сделал то, что хотела мама? — спросила Лира, горько улыбаясь.

— Да, милая, — сказал Драко, прижимая её к себе.

Нарцисса, стоявшая чуть дальше от них, не осмелилась подойти, оставляя Лиру и Драко наедине. Они были нужны друг другу сейчас больше, чем ей. Они потеряли самого родного человека, хоть память о ней и будет жить вечно.

Примечание к части

Эта работа была вдохновлена фразой, которая надолго засела в моём сознании и не покидала его, пока Трагедия не была закончена. "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях" — считайте это лозунгом истории, которая пробила на слёзы даже меня.

Пишите мнения, комментарии, впечатления и надеюсь, что эта работа не оставит вас равнодушным. А присоединиться ко мне можно на моём канале

<https://t.me/friendmalfoy>, люблю отвечать на вопросы об историях ♥